

Вера Звягинцева

ЗИМНЯЯ
ЗВЕЗДА

Вера Звягинцева

ЗИМНЯЯ
ЗВЕЗДА

Стихи

Зимняя звезда

ЗИМНЯЯ ЗВЕЗДА

Смутным было небо весен,
Медленным душевный рост,
И несло мой член без весел
К блеску отраженных звезд.

Лето было бурным, зноным,
За грозою шла гроза,
Светом резким, беспокойным
Били молнии в глаза.

За весной и летом осень —
Дней Победы торжество.
Но закрыла счастья просинь
Туча горя моего.

Лишь когда — по всем приметам —
Подступают холода,
Разгорелась теплым светом
Зимняя моя звезда.

Льется ровный синий-синий,
Поздний свет на поздний путь.
Поглядеть в глаза России —
Как живой воды глотнуть.

Закалили сердце грозы,
И зима мне как весна,
Пусть метели, пусть морозы, —
На миру и смерть красна.

Знаю я слова простые,
Что вовеки не умрут,
Совершенные, святые:
Люди, родина и труд.

С ними мне на белом свете
Боль и горе — не беда.
Вот каким мне светом светит
Зимняя моя звезда.

ЖИЗНЬ

Я сразу вспомню все: и раннее сиротство,
И — весь в цикориях — обветренный пустырь,
И первых мерных строк всесильное господство,
И моря первого сверкающую ширь,
И негасимый свет моей любви к России,
Заливший темноту далеких смутных лет,
И песни тех людей, что душу выносили
Из мглы неверия на яркий вольный свет.
Я сразу вспомню все проступки и заботы,
Неверную свою, неровную судьбу,
И лучшие часы — часы ночной работы,
Пускай они легли морщинками на лбу.
И обожжет меня колючий ветер властно,
И море зашумит, обдав меня волной.
И ясен будет мне весь трудный путь земной,
И крикну жизни я:

— Да, ты была прекрасна!

ПАРТИЯ

Широкая дорога, — не причал,
Раскрытая на середине повесть,
Великое начало всех начал,
Бессонная, взыскательная совесть.

Привычное «товарищ», «коммунист»
Произношу, как в первый раз, всегда я.
Да будет же прозрачен каждый лист,
Светла дубрава вечно молодая!

Тепло ее корням в родной земле.
Она растет все выше и все шире,
И в дальних далях, в духоте и мгле
Поет листвой о вольности и мире.

Я рада прямоте ее друзей,
Смятению врагов ее безумных.
Взгляни, она все гуще, все светлей,
И все певучей голос листьев шумных.

Зачем ищу сравнений для нее?
Ведь все сравненья только слабый отзыв.
Она — само дыхание твое,
Насущный хлеб и животворный воздух.

ПЕРВЫЙ ЗОВ

Ветер садовой калиткой скрипел,
Запахом гречи тянуло с поля.
Кто-то на взгорье за речкою пел:
«Сбейте оковы, дайте мне волю...

Сбейте оковы, дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить».
Сердце зашлось от счастья и боли, —
Вот как на свете надобно жить!

Все б у забора стоять девчонке,
Все бы ей слушать и слушать тот зов.
Многие песни бывали звонки,
Но не сбивали те песни оков.

Может быть, пел ее тот... приезжий,
В косоворотке с тугим ремешком.
Свет в его впалых глазах чуть брезжил
Не догоревшим в золе угольком.

Люди шептались: — Наверно, ссылный
В домике у фельдшерицы живет... —
Были задачею непосильной
Мысли про ссылку, про смерть за народ.

Хоть и жила я рядом с народом
Против бревенчатой старой избы
И с дочерьми его вместе бродом
Бегала в ближний лесок по грибы,

Может быть, был бы иным мой удел, —
Кто ее знает, людскую долю, —
Если бы голос за речкой не пел:
«Сбейте оковы, дайте мне волю!»

МОЕМУ МОЛОДОМУ ДРУГУ

Я люблю твою злость молодую,
По душе мне твой вечный задор,
Но сегодня с тобой поведу я
Тихий, немолодой разговор.

Ты — в старинном армянском селенье,
Я — в российском глухом городке,
Мы с тобой не в одном поколенье,
Друг от друга росли вдалеке.

Но сравняло нас чистое счастье,
Породнила забота одна,
Одержимы единою страстью
Мы с тобою на все времена.

Ты, вступивший хозяином века
В дом, отстроенный нам Октябрем,
Не забудь о труде дровосека,
Что в дремучем лесу топором

Наземь рушил деревья с натугой
Для строенья, где будешь ты жить
Со своей вишнеглазой подругой
И где станешь со славой дружить.

Не гордись беспечальным уменьем,
Дальнозоркостью редкой своей, —
Сквозь тернистые дебри сомненья
Пробирались миллионы людей

Для того, чтобы истина эта,
Та, которая светит тебе,
Стала запросто жизнью поэта,
Доброй помощью в трудной борьбе.

Не считай благодарность смешною
И чувствительностью не зови.
Вспомни тех, что вставали стеною
«За великое дело любви».

Те, что жили борьбой и тревогой,
Вправе требовать и от тебя,
Чтобы шел ты своею дорогой,
Их великих надежд не губя.

Не о гении, не о герое
Я сегодня с тобой говорю,
А о том, кто, незримо порою,
Приближал нашу жизнь к Октябрю:

О простом человеке России,
О рабочем, борце рядовом,

О поэтах, что скромно сносили
Тишиь безвестности в мире былом.

Все твоей они отдали славе, —
Ждать своей было им недосуг.
Вот о чем забывать ты не вправе,
Молодой мой заносчивый друг.

* * *

Порою спросит кто-нибудь:
«Ну, как ты чувствуешь себя?»
Себя? Зачем?

Других, тебя,
Всех, с кем у нас единый путь.
Судьбу моей родной страны,
Удачу чьих-то ярких строк,
Дыханье городской весны,
Пыль неисхожденных дорог...
А чувствовать себя?

Зачем?
Не нужно этого совсем.
Я чувствую чужую ложь,
Как в грудь входящий острый нож,
Я подвиг чувствую чужой,
Как взлет самозабвенный свой.
Все спорят, все кипит вокруг, —
Вот что я чувствую, мой друг.
Так мало я могу сама,
Но тороплюсь идти, идти,
Чтоб силу чувства и ума
Умножить хоть в конце пути.

До слез, до боли жизнь любя,
Я научилась одному:
Не жаловаться никому
На то, как чувствую себя.

* * *

На какое хрустальное блюдо
Положить мне мой будничный день,
Чтоб нести это скромное чудо
Тем, кто в полдень хоронится в тень?

На какие волшебные ноты
Звуки летних ночей положить,
Чтоб уставших от вечной заботы
Этой музыкой заворожить?

Если б это в моей было власти,
Убедила бы всех я в одном:
В жизни, кроме несчастья, все — счастье,
В каждом часе и миге земном.

ПАМЯТИ ДРУГА

А. С. Е.

Снег засыпает жизнь твою
На старом кладбище простом.
А я волнуюсь, я пою
Про то, чем жили мы вдвоем.

Я часто прихожу сюда,
Где жизнь твоя в земле лежит,
Снежинки белая звезда
На восковом цветке дрожит.

Я постою, я посмотрю
На пасмурные облака,
С неслышащим поговорю,
Снежинки обмахну с цветка.

Железная печаль в груди
Не унимается, растет...
Уже не много впереди,
А тянет все-таки вперед.

Восторга, горя и любви
Еще б хватило на сто лет, —
Пусть мне б сказали: «Век живи»,
Я не ответила бы: «Нет».

Я не ответила бы «нет»,
Пускай мечусь, тужу, скорблю,
Но этот трудный белый свет
Самозабвенно я люблю.

И ты во мне, как я, живешь,
Тебя во всем я узнаю.
Так, значит, смерть — дурная ложь,
Снег не засыпал жизнь твою.

ВЕТКА ЗА ОКНОМ

Мечется ветка за мутным окном.
Ветер сейчас в переулке ночном.
Думает каждый о том, о другом...
Люди о разном, а я об одном,
Только о том, что тебя нет нигде:
Ни на холодной осенней звезде,
Ни в ежедневном кипучем труде,
Ни в ожиданьях моих, ни в беде.
Глаз не могу отвести от стекла:
Темная ветка и светлая мгла.
Жизнь твоя билась, кипела, цвела...
Как же, куда же она отошла?
Этого я никогда не пойму,
Этого не рассказать никому.
Мне бы тебе рассказать самому,
Как я по сердцу скорблю твоему.

СИРЕНЬ

У всех есть перечень недлинный
Своих пристрастий на земле.
Я назову мои приметы:
Далекий оклик петушиный
За огородами в селе,
Последний уголек в золе...
Потом — сирень в начале лета,
Сирень не Врубеля, не Фета —
Сирень сиреневого цвета
В кувшине желтом на столе.
Еще — площадка поездная,
Степной полынnyй ветерок
И холодок аэродрома...
Живешь ты, достоверно зная,
Что очень краток жизни срок,
Но в окна городского дома
Не веять ветерку степному.
Где там полынь? Где даль дорог?
Довольствуйся одной сиренью,
Глубокой свежестью цветов:

Сквозь этот запах ты услышишь
Крик петушиный в отдаленье,
Твоей равнины волжской зов,
Полынным ветерком подышишь
Под жестянной вагонной крышей
Иль полетишь средь облаков.

И это все — одна сирень,
Все за один недолгий день!

* * *

Как! Там и августа не будет?
Ни звезд, ни песен за окном?
Крик петушиный не разбудит
Тех, что забылись вечным сном?

Не верю. Это невозможно.
Руками в воздух я вцеплюсь,
Врасту хоть в камень придорожный,
А от земли не отступлюсь.

Здесь, на земле, моя забота,
Работы непочатый край, —
Ведь я не оплатила счета
За этот будничный мой рай.

Здесь каждая минута светит
Неугасающим огнем.
Раз я была на этом свете,
Как я могу забыть о нем?!

Забыть о вас, мои собратья,
И о тебе, страна моя?..

О, если бы могла собрать я
Весь жар земного бытия,

Как мальчик в сказке, по крупинкам,
Его рассыпать на пути
И по светящимся тропинкам
Обратно в эту жизнь прийти!

КРЫМСКИЕ НОЧИ

Ветер. Звезды. Запах дрока.
Облупившаяся лесенка...
Словно оклик издалека,
Незатейливая песенка.

Сколько раз все это было,
Сколько пройдено, испытано.
Бьет волна о берег милый,
Как в те дни, давно забытые.

Где же возраст? Где же опыт?
Разве быть счастливой вправе я?
Тех же волн полночных ропот,
Легкий хруст шагов по гравию.

Ничего не изменилось.
Тот же ковш Большой Медведицы...
Или горе мне приснилось,
Или счастье мчится-бредится?

Время, погоди немного,
Погоди, немилосердное!
Пусть горит моя тревога,
Пусть шумит волна бессмертная.

ЗВЕЗДА

В неудаче, в болезни, в горе,
А вернее сказать, всегда,
На огромном земном просторе
Человеку нужна звезда.
Пусть порою за облаками
Еле-еле она видна,
Пусть ее не достать руками,
Словно жемчуг с морского дна.
Пусть ее не поймаешь в сети, —
От нее бы сгорела сеть, —
Без нее не прожить на свете,
Не прожить и не умереть.
Неизвестно ей — безымянной, —
Что я верно ее люблю,
Что все горести, все обманы
Под сияньем ее стерплю.
Если даже выдумка это,
Сохрани ее, сбереги,
Без ее далекого света
Мне порой не видать ни зги.
Перед тем как усну в гробу я,
Приоткрыть окно попрошу —
Полюбуюсь на голубую
И сама ее погашу.

* * *

Так я и не успела,
Так я и не успела...
Время бежало скоро,
Было так много дела,
Было так много вздора.
Так я и не успела...
Спишь ты, не просыпаясь,
Сном, как ты сам, прекрасным.
Вот поднялась шатаясь
Я по ступенькам красным.
Руку твою целую,
Боже мой, ледяную!
С кем поделюсь теперь я
Тем, чем с тобой хотела?!
Старое есть поверье:
Бродит душа близ тела...
Если бы мог ты слышать,
Как тяжело здесь дышат,
Сколько немой печали,
Сколько глухого горя
В этом огромном зале,
В этом народном море!

Сердце мое родное,
Солнце мое земное!
Небо рыдает громом,
Первой грозой весенней,
Люди идут за гробом,
Тучи плывут в смятенье.
Слышишь ты — кто-то стонет,
Видишь ты — льются слезы.
Это тебя хоронят
Против большой березы.

ОСЕНЬ И ЧЕЛОВЕК

По тусклому стеклу окна
Текут большие слезы:
Природе вспомнилась весна
И желтые мимозы.

Природе хочется опять
Стать каплями капели,
Ей хочется кипеть, сверкать,
И чтобы птицы пели.

Все это возвратится к ней
Уже через полгода.
У человека жизнь грустней,
Чем у тебя, природа.

Но он не проливает слез
О том, что дни уходят,
Что время мчится под откос,
Вино в бочонках бродит.

И называет он дождем
Осенних слез потоки,

Сам уложиться принужден
В положенные сроки.

Шли б вовремя дожди и снег,
И молодость и зрелость, —
Огня на твой достанет век,
Раз пламя разгорелось.

Природа льет потоки слез,
Дни холодов пророчит...
А человек седых волос
И замечать не хочет.

* * *

Л. П.

В какие строки переплавиши,
Как выскажешь волненье это,
Что в сердце буйно всколыхнулось,
Когда задребезжавший клавиш
Заплакал под рукой поэта,
Едва она его коснулась?!

Повеял ветер бездорожья,
Звезда в седой ковыль упала,
Когда присел ты к пианино,
Так на свои стихи похожий —
Суровый, пасмурный, усталый,
Певец прекрасной Украины.

Что я скажу тебе, товарищ?
Ведь ты в сто раз меня мудрее.
Одно: что молодости нашей
Бедой и горем не состаришь, —
Так и умрем мы, не старея,
За нашей песней, нашей чашей.

Твоя душа, твои напевы,
Твоих стихов солдатских поступь
С родной землей навеки слиты.
Они живут: и буря гнева,
И звездная над степью россыпь,
И цокот конского копыта.

Стучится в стекла дождь осенний,
А мы не верим, мы не верим
Ни в холод осени, ни в слякоть.
Мы и в часы разуверений,
Наперекор своим потерям,
Лишь над стихами будем плакать!

* * *

Как будто над рекой, подернутою льдом,
Стою, молчу. А ночь все глуше, глуше.
Как будто в запертый высокий темный дом —
Стучусь, стучусь, стучусь в чужую душу.

Я знаю хорошо, что подо льдом вода,
Весною отражающая небо,
И если в дом войдешь — найдется там всегда
Достаточно тепла, вина и хлеба.

Я говорю себе: скуча и холодна
Душа, в которую стучусь напрасно,
Но знаю лучше всех, как горяча она,
Как горяча она и как прекрасна.

ПРО ПЕСНЮ

Ты — в дремучем, пахучем бору
С губ суровых слетела когда-то, —
Барсучиха забилась в нору,
На поляне притихли лисята.

Только музыку грома да птиц
И знал человек первобытный, —
Отирая росинку с ресниц,
Удивлялся нахлынувшим ритмам.

Пел про солнце и пел про огонь,
Про холодный таинственный камень,
И лады отбивала ладсынь,
Шевеля невысокое пламя.

И пошла-побежала в молве
Эта песня водою проточной,
Колокольчиком синим в траве
Загляделась в прохладный источник.

Человек бушевал на земле —
Откликались холмы и долины.

Зрели песни, как зерна в тепле, —
Про героев слагались былины.

Песня! Песня! На свадьбах лихих
Ты шуршала по лентам упряжки,
Надрывалась и падала в стих
Причитаньем над участью тяжкой.

Каторжанин бежал по тайге,
На натертую ногу хромая, —
Возникала ты в мутной пурге,
Удаль в жаркой груди поднимая.

Вот подпольщики тесным кружком
Над листками сырых прокламаций
Отдыхают: «А ну-ка споем
Нашу самую лучшую, братцы!»

Ты — строительница баррикад,
Революций сестра и подруга,
Ты в жару освежала отряд,
Согревала в морозах и вынужах...

Спелым «яблочком» ты налилась
И катилась тропой партизанской,
Волочаевской славой неслась
И шумела под небом испанским.

И, тебя не успевши допеть
И дыханье тобой обрывая,
Жить умевший — умел умереть
За свободу любимого края.

ПАМЯТИ ЮРИЯ КРЫМОВА

Круглоголовый мальчуган в тельняшке —
Он с рыбаками в море уходил.
В его ребячьей озорной замашке
Скрывалась уйма непочатых сил.
Трепало старый парусник норд-остом,
А мальчик на корме во весь свой рост
Стоит, поет... Он наглотался вдосталь
Соленых брызг и черноморских звезд.
Он в дружбе был со всем огромным светом,
Всегда прямой, как струнка, начеку.
Сначала он в работе был поэтом —
Прославленным нефтяником Баку,
Потом он просто рассказал отчизне
Скупую повесть чести и труда.
Все, чем дышал он, отражалось в жизни,
Как в море черноморская звезда.
Его нежданно слава посетила,
Но, лавры строго отстранив рукой,
Он знал: еще не та — другая сила
Его зовет в грядущий непокой.

...Вот он, уже прославленный художник,
Вновь навестил тот крымский уголок,
Где с детских лет бродил в мечтах тревожных
На гальку раскаленную прилег:
За рыжей горкой мнилась мальчугану
Какая-то волшебная страна...
Он их нашел, все эти чудо-страны,
Их все вместила родина одна.
Опять, опять повеяло норд-остом,
Дохнула степь полынью, чебрецом.
И ровно через год спокойно, просто
Он двинулся, как все, в поход бойцом.
Так вот она, та сила буревая,
Что в нем смятеньем с юных лет росла,
Так вот она, дорога боевая,
Что к подвигу последнему вела.
Под гневным небом кроткой Украины
В атаку — за Баку и за чебрец!
Под ветками серебряной раины
Начало жизни и ее конец.
И он лежал, исколотый штыками,
С заветным партбилетом на груди,
С письмом в крови, с последними словами
К той, что ему сказала: победи.

По русским
дорогам

* * *

Всю жизнь у жизни мы в долгу.
Как отплатить за все, что снится,
За все закаты, все зарницы,
За все костры на берегу?
Я, неоплатная должница,
Об этом только петь могу.

Я знаю истину одну, —
Что каждый вдох и выдох — счастье,
Что все обиды и напасти
Булыжником идут ко дну,
И все равно выносят счасти
Корабль на чистую волну.

И эта грозная война
Навек останется примером
Того, что жизнь не изуверам,
А веряющим в добро дана.
Как отплачу я полной мерой
За жизнь в тебе, моя страна?!

* * *

Повиликой молодость повяла,
Жизнь — нельзя сказать, чтоб удалась.
Все же повторяю, как бывало:
Слава той, что ливнем пронеслась,

Слава жизни, строгой, быстротечной,
Слава избранному мной труду —
Русской речи, ясной и сердечной,
На земле, в которую уйду.

Горькие достались нам потери,
Но была нам не в беду беда.
Жили мы, высокой правде веря,
Ей не изменяли никогда.

Вправду, этот мир мы посетили
В необыкновенные часы,
На пиру великом погостили,
Навидались досыта красы.

Если б там, нигде, меня спросили:
Чем же ты так счастлива была,
Я б сказала: я жила в России,
По ее дорогам я прошла.

К ПОРТРЕТУ МАТЕРИ

Вот предо мною портрет твой с лицом исхудальным.
С братом моим ты сидишь — с малышом
годовалым

Сумрак предгрозья. То восьмидесятые годы.

Первые поиски правды, добра и свободы.

В комнатах низких до света дымят папиросы.

Слухи о стачках.

Студенткою русоволосой,

Глядя задумчиво на облака заревые,

Имя Ульянова ты услыхала впервые.

Машенькой звали тебя. Называла б я мамой,

Да не успела, — потух огонек неупрямый.

Мне рассказали, как ты, озоря, бывало,

Так же вот с крыш леденцы голубые сбивала,

Как ты читала стихи детворе на деревне,

Как рисовала ты небо, пруды и деревья.

Короток был твой часок небогатый девичий,

Дальше — заботы, да горе, да чинный обычай.

...Сколько могил на елецких, на курских
кладбищах!

Прыгают птицы по плитам, чирикают, свищут.

Сколько осталось в шкатулках отчаянных писем!

Что это здесь на подчаснике — слезы иль бисер?
Розы из бисера — бедная женская слава;
Дальше — январские проруби, петли, отрава...
Часто, когда по асфальту я звонко шагаю,
Память, как слезы, мне на душу вдруг набегает.
Я вспоминаю товарищей, — женщин погибших,
Нашего воздуха ртом пересохшим не пивших,
Душные спальни — бараки и труд непосильный.
Свод каземата мне видится, сумрак могильный,
Синие губы закущены... Оклик жандармов...
Сестры! Земной вам поклон от сестер благодарных!

...Ты умирала, заброшена, в горнице темной,
Не в каземате, но в мира темнице огромной.
В заросли трав я могилы твоей не нашла,
Только метелку душицы к губам поднесла,
Думая: если бы, если бы ты поглядела,
Как нас волной подхватило высокое дело,
Как, просыпаясь, я счастлива дружбой, работой,
Как я волнуюсь одною с отчизной заботой.
Небо над нами качается деревом звездным,
Вместе б идти нам с тобой по равнинам морозным!
Мы бы с тобою, наверно, подругами стали,
Вместе бы мы «По военной дороге» певали.

...Ты мне оставила старый некрасовский том.
Слышу твой голос в напеве угрюмом, простом.
Вот раздвигаются губы твои на портрете,
Верно, читаешь на память «Крестьянские дети».
Тени тихонько ложатся на впалые щеки.
Спи, — я дышу за двоих нашим ветром высоким.

СТИХИ О ПУШКИНЕ

ЗИМОЙ В МИХАЙЛОВСКОМ

Ветер из дверей проходит в сени,
Между стекол вата и шерстинки.
На стене — пера и пальцев тени
Скрещиваются, как в поединке.
Вот всплывает круглая, большая
Тень его курчавой головы.
Печка еле греет, остывая.
Запах сургуча, сухой травы.
За окошком у избы дворовой
Огонек мерцает на снегу.
Где-то бродят волки на лугу.
Глубоки снега земли царевой!
За стеной, скрипнув половицей,
Няня встала — старость плохо спит.
Ставни затряслось, как в огневице,
На морозе ветхий дом скрипнит.

— В Петербурге бал, я чай, в разгаре...
Черт с ней, с петербургской суетой! —

И звенит, звенит с соседкой в паре
Рифма, словно бубен золотой.

Длинные стоят в России ночи.
Спит страна, как в сказочном гробу.
Гроб качнется, распахнутся очи —
Жизнь прогонит мачеху-судьбу.
Далеко, сквозь годы и сугробы,
Сквозь бессонницу глядят глаза.
Это будет! Иначе нельзя!
Оборвутся злые цепи гроба.
И «Россия вспрянет ото сна»,
Вспомнит и о нем тогда, об этой
Деревеньке, что лежит, темна,
Сонной снеговой тюрьмой поэта...

Снег на стеклах — елочки и звезды,
И медвежьи лапы, и мостки...
Спать пора. И холодно, и поздно.
Сало свечки каплет на листки.

НА ТЕМУ «ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ»

Так быть могло:
Когда к рассвету ближе,
Помяты шлейфы
И мешки у глаз, —
Он чувствовал,
Как едкий холод лижет
Усталый мозг иль грудь...
(Где там душа у нас?)

И мед любезностей
И остроумья перец
Постылы что-то...
У окна один
Он гневными глазами
Быстро мерит
Танцующих,—
От лысин до лосин.

Когда снежок,
Легко швыряясь в сани,
На выпуклой скуле
Оттаивал слезой,—
Иных, иных снегов
Воспоминанье
Пронзalo грудь
Под шубой меховой.

Да, только там,
«Во глубине сибирских»
Неласковых снегов,
Горячие сердца.
Товарищество. Братство.
Облик близкий
Смешного, милого,
Безумного певца.

Прости, Вильгельм,
Прости мне славу, волю,
Невольный блеск
Рассеянных годин.

За боль твою
Плачу иною болью:
Меж близких и друзей
Живу один.

ВОСПОМИНАНИЕ

У каждого свои заметы,
Зарубки жизни на душе.
Порой одна строка поэта,
Луч солнца в старом шалаше,
Какой-нибудь невидный случай
Становится твоей судьбой,
И сколько жизнь тебя ни мучай,
Они останутся с тобой.

Над бурой глиною обрыва
Меж сосен папоротник рос;
Колени обстрекав крапивой,
Я забиралась на откос
Читать стихи друзьям-деревьям
С распевом, на высокий лад;
Вдали, бывало, на деревне
Сонливо петухи кричат,
Над мелкой глинистою речкой
Телега грузно прогремит,
А после далеко-далече
В степи чуть слышно тарахтит.

Поэзия! С какою силой
Обрушился на меня
Чужой беды запев унылый!
Мне душу детскую тесня
Отчаяньем полупонятным,
Захлебом в горле и груди,
Стихи, вы были зовом внятным
В мир, еле зримый впереди.

Жара над сосновами звенела
Тугою золотой струной,
Блаженно веселили тело
Сухие запахи и зной,
Седою большекрылой птицей
Распластывались лопухи,
И я страницу за страницей
Читала лопухам стихи.
Но... вдруг, схватив за сердце, срыву,
Испуг дыханье мне пресек:
Припав к заросшему обрыву,
Лежал и слушал человек.
В пыли, в изорванной одежде...
Кем был он? Как забрел сюда?
Казалось, в этом крае прежде
И не бывал он никогда.

—Читай, чего ж ты замолчала? —
Он ласково проговорил,
А сердце от стыда стучало,
Бежать бы прочь что было сил.
Но в темных впадинах синели
Такие добрые глаза,

На рукаве его шинели
Сидела тихо стрекоза.
И вдруг мне вспомнились рассказы
О беглых, скрывшихся в лесах,
И полицейские указы,
Расклеенные на столбах.

И странно так на сердце стало.
Я книгу подняла с земли,
Опять, опять стихи читала,
И слезы радости текли
И на щеку мою ребячью
И по морщинам беглеца...
Но, впрочем, и сейчас я плачу.
Над чем?
Над близостью конца,
Над невозвратным этим летом,
Над первым братством, над тобой —
Моей судьбы неровным светом?
Над той ли узкою тропой
В яру заросшем, позабытом,
Ушедшей брата моего,
Быть может, к давним правым битвам
За счастье края своего?

* * *

Есть между всех очарований
Неповторимое одно:
Когда привычное названье,
Слогов коротких сочетанье
В живую жизнь превращено.

Я помню: поле, ветер, травы,
Веселье длительной езды,
И вдруг, как песня старой славы,
Пред нами вспыхнули Полтавы
Белоголовые сады.

Я помню острую тревогу,
Сильней, чем счастье, во сто крат,
Ту первую мою дорогу
В морозном утреннике строгом
В невиденный мной Ленинград.

Уже порядком накренилась
Моей судьбы непрочной ось,
И многое уже отснилось,

Полузабылось, изменилось,
Но все же, все ж мне довелось

Сбежать по пристани в Касимов,
По узкой улочке пройти,
В ребячестве неугасимом
Нарвать каких-то некрасивых
Репьев колючих по пути,

Мне довелось сквозь ветви пшата
Увидеть близко, наяву,
Две древних кровли Арапата
И разглядеть и склон щербатый
И даже блеклую траву.

Все то, что именем звенело
На картах, книгах и в речах,
Мне воздухом ласкало тело,
Кустарниками шелестело,
Хрустело пылью на зубах.

Моя неверная подруга,
О память, погоди, оставь,
Не заметай седою вьюгой
Тех дней, когда нашли друг друга
Воображение и явь.

ВРЕМЯ

Пробегает оно мимо нас,
Называется — месяц и час.
Тенью листьев дрожит на песке,
На скрипичном звенит волоске.
Обернешься: в ночном серебре
Столько августов и сентябрей.
Все бы комнаты мне обойти,
Позабытые в долгом пути,
На крылечках на всех посидеть,
На ушедших друзей поглядеть.
Позвонили сегодня с утра:
Умер старый знакомый.

Вчера

Говорил он про завтра. (Умру,—
Позвонят ли тебе поутру?)
Сколько раз слышу я среди дня:
Нету времени у меня.
Где ж оно? Мне не скажет никто
Утекает ли сквозь решето?
Паровозом ли мчит впереди,
Ты ж в окошко вагона гляди!

Но, до слез эту землю любя,
Время, время, поймаю тебя.
Посиди, поработай со мной,
Подыши на меня тишиной.
Обегая стрелой циферблат,
Научи жить с тобою в лад.
Не тони, подожди, продержись
Моя трудная, милая жизнь!

* * *

День стоит большою чашей.
В чаше дивное питье.
Отчего же ты все чаще
Скучно смотришь на нее?

Или жажда оскудела,
Или сам же ты в вино,
Обижая винодела,
Сыплемь горечи зерно?

У меня ж одна досада,
Что не все мои друзья
Слышат сладость винограда
В терпком холоде питья.

ЯРОСЛАВНА

Тихо мерцает серьга голубая,
Косам завидует верба любая,
Ветви купая в озерной воде.

Спится, не спится... И князь не приснится.
Давеча билась в окошко синица,
Словно бы к новой какой-то беде.

Солнце в оконце глядит слюдяное...
Скучное солнце сегодня какое.
Нету доселе от князя гонца.

Очи отерла холщовою тканью
Да потихонечку, раннею ранью,
Тяжко вздыхая, спустилась с крыльца.

Легкой стопою на тропку ступила.
Чу!.. Где-то кличет кукушка уныло.
— Ой, горемычная, словно как я.

Тих опустевший Путивль. Недалеко
Спит городская стена одиноко.
Скорбь посетила родные края.

Бьется за русскую землю дружина,
Чтобы над ней воронье не кружило,
Бьется далече родимая рать.

По небу тучи плывут и уходят,—
Доблесь высокая в юном народе
Будет с веками расти и мужать.

Век ли кручиниться нам по светлицам,
Косам неприбранным по ветру виться,
Бисеру слезному очи мутить?

Утро росистое. Пахнет как славно!
Ветер платочек сорвал с Ярославны.
«Все бы тебе, господине, шутить».

Встала над тихой путивльской стеною,
Запричитала кукушкой лесною.
Слышат — не слышат в степи ковыли.

Руки простерла в печали-кручине:
«Ветер, ветрило, к чему, господине,
Мечешь хиновские стрелы вдали?»

Утренний ветер в ответ ей крепчает,
Ветер полынь голубую качает,
Треплет кустарник, ветлою шумит.

Воды днепровские там, за холмами,
Плещут, встают буревыми валами:
«Чей это голос нас горько корит?»

Солнце малиной зарделось далече,
Слушает смелые женские речи,
Спряталось в облачном легком дыму.

Слышит князь Игорь: не копья запели,
Ветер поет — как над вешней капелью —
Голосом лады в далеком дому.

КАЛИТКА

Нет, не стереть даже счастья избытку
Давнего детства любимый узор.
Я и во сне отворяю калитку
В старый, заросший крапивою двор.
Я подхожу к деревянному дому,
Вижу — четыре ступеньки крыльца,
Бочку с водою и ковшик знакомый,
Крынку остуженного варенца,
Белые стены прохладной столовой,
Круглые, с боем протяжным часы.
Время! Охрипшее, старое слово,—
Многое взвесили эти весы.
Дальше — с балкона к обветренным соснам,
К бледным цикориям в жесткой траве,
К знайному гулу и осам несносным.
...Главной дорожки немного правей
В землю врастает скамейка простая,—
Дай хоть во сне посижу я на ней.
Буйно вспорхнет воробышья стая
С чахлых кустов за спиною моей.

Я просыпаюсь в московской квартире,
День мой заботами обволокло.
Я не скажу, чтобы мне в этом мире
Холодно было... О нет,— мне тепло:
Дороги мне наши полные годы,
Ветер широких полынных степей,
Дороги песни родного народа —
Добрые спутники жизни моей.
Все ж не забыть мне калитки знакомой.
Где-то скрипит она и до сих пор,
Где-то, вокруг деревянного дома,
Старый, заросший крапивою, двор.

* * *

Только бы и петь о том,
Как антоновки литые
Пахнут русским холодком,
Как березы золотые
На холме шумят крутом,
На холме времен Батыя,—
Только бы и петь о том.

Только б словом передать
Сизый бархат вербной ветви,
Волн упругих благодать,
Коктебельский легкий ветер!
Как обидно умирать,
Как завидно жить на свете,—
Только б словом передать!

* * *

Если очень любить — все не страшно.
Если очень хочет — все придет.
Не зови свою радость вчерашней,
Не веди огорчениям счет.

Даже в горькие дни отступленья
Мнилось: может быть, завтра умру,
Но огонь моего поколенья
Не погаснет на резком ветру.

А уж если такое снесли мы,
Пустяками души не тревожь.
Ненасытны мы, неутолимы,
Нас и смертью самой не уймешь.

Что ж ты можешь, беззубая старость,
Чем ты хочешь меня одолеть?
В несгораемом сердце осталась
Золотистая звонкая медь.

Отолью колокольчик поддужный,—
Пусть расскажет, негромко звена,
Всем бредущим дорогою вьюжной
Об отrade земного огня,

Насулит небывалого счастья
Тем, чьи весны давно отошли.
Одного лишь хочу я: участья
В стройном хоре любимой земли.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Я говорю о том, что я любила,
А я любила все как есть:
Работу, смех, порыв чужого пыла,
Дороги, снег... всего не счесть.
Не больше ли всего цветок тот дикий,
Что стал простым моим гербом,
Который называют повиликой?..
Его на пустыре любом
По запаху миндальному отыщешь.
Сквозная рюмочка цветка
Полна настоем, всех настоев чище,
Не больше одного глотка.
Сначала это было влагой счастья
Сладчайшей юности моей,
Потом пошли заботы и напасти,
И горечь появилась в ней.
Но, отстоявшись в днях кипучей жизни,
Неиссякаемый настой
Стал полнотой моей любви к отчизне,
Целительной живой водой.

Я пью ее, я пью, не насыщаясь,
А незатейливый цветок
Цветет, неслышно на ветру качаясь,
У всех родных моих дорог.

Моя Армения

МОЯ АРМЕНИЯ

И куда же меня занесло?
От черемух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

Не в библейский,— в сегодняшний рай,
В терпкий запах рехана и перца,
В этот рыжий обветренный край,
Где от песен заходится сердце.

В детстве — рожь, курослеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило,—
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило,

И сама я любила не знай,
А морозец веселый и прочный.
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?!

Впрочем, я и не вижу ее,
Мне другое в Армении любо —
Околдовано сердце мое
Красотою и горькой и грубой.

Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых,
Терпеливых седых матерей,—
Вот Армении подлинной образ.

Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжелых стихов
И полотен сарьяновских краски.

Не зови же смешным, не зови
Беспокойное это пристрастье.
В этой поздней нелегкой любви
Мне самой непонятное счастье.

* * *

Как влюбляются в человека,
В голос, жест, висков седину,
Так под ветром большого века
Я влюбилась в одну страну.

Нужно много ночей, рассветов,
Новостроек, рек обогнуть,
Чтобы сказочный рев Дэбета
Холодком вдруг ударил в грудь,

Чтобы стало легко и страшно
Вдруг войти в ущелье Лори,
Чтобы в скалы входить, как в башни,
Как в былое — в монастыри.

Ветром выписанные фрески
В камнях видеть мне довелось,
Полюбить навек этот резкий
Край сухого зноя и лоз.

Я такого большого неба
Не видала еще нигде,
Звезд таких, как озера. Мне бы
Погостить на такой звезде!

Зачарованным взором вижу
Древних плит кружевной узор,
Вижу складки розово-рыжих
Этих, словно слоеных, гор.

Мы стоим у раскопок Двина.
Вот находка в моей руке,—
Времена слились воедино
В голубом этом черепке.

Словно в перекличь с давней эрой
Тут вступает армянский саз.
Ереванские пионеры
Так встречали стихами нас,

Что, бледнея от вдохновенья,
Тронул руку мою сосед,
И увидела я, в смятенье,
На щеке его слезный след.

Сколько б жить ни пришлось на свете,
Не забудем мы, мой собрат,
Как поют армянские дети,
Как гортанной бронзой звенят,

Как в сентябрьском осеннем блеске
Ворковал меж камней ручей.
Не забудем в садах библейских
Наших дружественных речей.

* * *

Говорят, красота в соловьином саду,
В мимолетной грозе вдохновенья.
Я пройду по земле, я такую найду,
Без которой не жить ни мгновенья.

Я поеду в края, где не раз и не два
Любовалась землею сердитой.
На столах там на глиняных блюдах трава,
Воскеат — виноград знаменитый.

Говорят, на Востоке миндаль да хурма,
Да печаль караванов верблюжьих.
Я так много другого видала сама,
Что не слушаю толков досужих.

Не миндаль, не печаль — сила гордой души
И прямые слова и поступки.
А уж песни у них до чего хороши,—
Не сотрутся на сердце зарубки.

Пусть, как сердцебиение, жизнь коротка,—
Корни есть у нее и побеги.
Небольшая земля, да душа велика —
От Зангу до задумчивой Веги.

И отныне в стихах рифмовать я хочу
Цахкадзорские розы с колхозом,
Сочетать с пионерским рожком кыманчу,
Зной Кавказа с московским морозом!

В ГОСТЯХ У МАРТИРОСА САРЬЯНА

Не спрашивал адреса смуглый шофер
И в узкий свернул переулок.
Закат был как старый персидский ковер,
Прохладой слегка потянуло...

Приветлив и ясен навстречу нам шел
Художник, спокойный, как вечер.
И вот — мастерская, полотна и шелк
На кресле. И — вихрем навстречу

С полотен обрушился, дух захватив,
Мир солнца и ультрамарина,
И горы из света, и речитатив
Ашуга над рыжею глиной.

И синие звери, и розовый дом,
И женщины в тканях суровых—
Все было и жизнью и сказочным сном,—
Весь мир в именинных обновах.

Но это и было правдивою той
И великолепною жизнью,
Которой живем мы в своей и простой
И необычайной отчизне.

Пылающий кадмий свой отблеск бросал
На наши смущенные лица
И капелькой солнца, чуть видно, дрожал
У мастера в мягких ресницах.

С балкона был виден седой Арарат,
Туманный и зыбкий, как вечность,
Мольберт в винограднике и виноград —
Сквозной, золотистый и млечный.

Мы видели счастье: спокоен и прост,
Художник работал с ним рядом.
Мы слышали счастье: под россыпью звезд
Зурною звенела прохлада,

И пела страны этой славу она,
А розы качались, багряны...
Сияла Армения, отражена
В глазах Мартироса Сарьяна.

ЗВАРТНОЦ

Здесь тишина... О, тишина... Такая,
Какой не знала я до этих пор.
Трава не шелестит — совсем сухая,
Орел на камне крылья распростер.

Здесь пахнет снегом недалеких гор,
И Аарат плывет, не упливая.
Лимонный тополь, восхищая взор,
Горит свечою тонкой, не сгорая.

Ссугнувшись стоит Исаакян,
Как отягченный славой царь армянский.
Торжественней я не видала стран,
Воды не знала слаще ереванской.

Я пью ее, как мира чистоту,
Как птица капли ливня на лету.

* * *

И вдруг как нахлынет,
Нечаянно, сразу,
Огромной волною
Тоска по Кавказу.

Москва — мое сердце,
Душа моя — Волга...
С чего ж я летаю
Так часто и долго

Туда, за Сухуми,
За жаркий Тбилиси,
В горячее небо,
В нагорные высоты?

С чего ж на Садовой,
На Ново-Рязанской
Ищу я фонтанов
С водой ереванской?

На небе вечернем,
В полоске заката,
Ищу очертаний
Главы Араката.

Мне тяга к Кавказу,
Знакомая с детства,
От русских поэтов
Досталась в наследство.

В полете блеснет мне
Гора сединою,—
И я в упоенье:
«Кавказ подо мною».

Спасибо отчизне
За это богатство,
За чистое счастье
Великого братства!

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Он стоял на отвесном краю островка,
Отраженного синим озерным стеклом,
И простертая в самое небо рука
Мне на миг показалась орлиным крылом.

А когда он с просторами заговорил,
Мне почудился горных каменьев обвал
Или будто к походу трубач затрубил —
Это он по-армянски «Полтаву» читал!

А потом он стоял среди белых колонн,
И не синее озеро — море голов
Волновалось и слушало песенный звон
Этой меди суровых чеканных стихов.

Он о родине пел, и горячей волной
Обдавала нас преданность, верность, любовь.
Был он здесь не один — вместе с целой
страной.
Вместе с правдой, зовущей нас к подвигам
вновь.

Словно заревом темным на сердце легло
Отгоревшее страшное детство его,
Но открыто как небо, как небо светло,
Буйной зрелости праздничное торжество.

Незабытое горе младенческих лет,
Дни турецкой резни и далекий пожар —
Все оружием кованым сделал поэт
И родному народу принес его в дар.

Он встает из-за пиршественного стола,
По-хозяйски вступает он в круг плясовой,—
И опять мне припомнились крылья орла
И труба золотая, зовущая в бой.

ХУДОЖНИК И НАРОД

Это было в одном совхозе,
Недалеко от Эчмиадзина.
Без грозы разошлось предгрозье,
Возле яблони стала машина.

Небо — тише воды в затоне.
Среди трав и кустов придорожных
Рисовал портрет на картоне
Знаменитый армянский художник.

На большой шершавой странице
Рисовал он бойца молодого.
Темнобровый и смуглолицый,
Тот сидел, не промолвив слова.

А рабочие подходили
И, приезжему кланяясь чинно,
Застывали — глаз не сводили
С возникающей в мире картины.

Оттеняя надбровья тушью,
Мастер чуть поводил головою,
Пахло августовскою сушью,
Горьковатой нагорной травою.

Два печальных больших верблюда
Церемонно прошли в отдаленье.
Кто их знает: зачем, откуда
Забрели они в это селенье?

А народу все прибывало;
Землеробы, старухи, дети —
Все смотрели, как оживало
Молодое лицо на портрете.

Не смущаясь, работал мастер,
А когда он окончил творенье,
Вздох толпы дуновеньем счастья
Наградил его за вдохновенье.

Это было в одном совхозе,
Я его до сих пор не забыла.
Не в поэзии и не в прозе —
В сорок пятом году это было.

МОСТ ПОБЕДЫ

Нет! Не только базальт и железобетон,
И не к Эчмиадзину дорога,
Этот мост переброшен в грядущее, он —
Человеческой мысли тревога.
Эти линии строгой армянской резьбы
И литая витая решетка
Говорят об упорстве давнишней борьбы,
Как истории краткая сводка.
Я стою над сердитой седою Зангур,
Водяным не дивлюсь причитаньям,—
На крутом — в невысоких садах — берегу
Новых зданий дивлюсь очертаньям.
Вспоминаю я воина-большевика:
Одолел он и версты и беды,
Для того чтоб летел эстафетой в века
Мост с названьем нелегкой Победы.
Здесь другие победы шеренгой пройдут,
Но не ступит сюда пораженье,
Только б чистое сердце и радостный труд
И движенье, движенье, движенье!

Вот он — росчерк эпохи, просторный разлет,
Настежь в счастье раскрытые двери.
Слышишь, слышишь, как по мосту Время идет,
Созиная, волнуясь и веря?

* * *

Когда напев армянской «Розы»,
Врываюсь в пиршественный чин,
Тревожит сонный мрак долин,
Шепчу и я, глотая слезы:
«Сирўн вардўн, кармўр вардўн»¹.
Когда над пшатами совхоза
Плынет пустынныи синий зной,
А на немой плите резной
Сидят недвижные стрекозы,
Она мне кажется родной —
Земля задумчивая. Лозы
Ее обветренных садов,
Налив тугих ее плодов
Мне дороги, как лист березы.
И тут и там мой отчий кров.

---

¹ Прекрасная роза, красная роза.

ВОСКЕВАЗ

Вам, быть может, случалось пить вино воскеваз?
Воскеваз — это значит: золотая лоза.
А еще это значит, что дорогой у вас
На цветущий шиповник разгорелись глаза.
Поглядим на «Коммуну» — так зовется колхоз, —
С виноградом созревшим персик здесь наряду,
Не в старинной газели, а в рабочем саду
У ограды из камня вьются заросли роз.
Здесь Героем Союза горд отец-бригадир,
Здесь поэты муз — как над розой пчела,
Меду хватит для сердца, — нескончаемый пир.
Здесь на долгую зиму наберешься тепла.
Вам, быть может, случалось пить вино воскеваз?
Это здесь выжимают виноград золотой,
Это здесь угошают плавом рисовым вас,
Старый Мхо говорит вам слово правды святой.
Говорит он:
— Я выпью за поэтов страны,
Пусть поэты народу сок души отдают,
Но не ждут от народа тотчас платы за труд,

Пусть стихи ваши будут щедрым звоном зурны.—
Так сказал нам суровый армянин-земледел
И, стакан воскеваза осушая до дна,
На вечернее небо сквозь листву поглядел, —
Золотисто-лиловой стала голубизна.
А у печки стояла, рот прикрывши платком,
Потерявшая сына на недавней войне
Мать-армянка, прямая, как лоза по весне,
И за нас промочила горло терпким глотком.
Вам, быть может, случится пить вино воскеваз,—
Пусть же в нем отразится зелень ласковых лоз,
Эти мудрые люди, этих сумерек час
И у низкой ограды улей в зарослях роз.

ОСЕНЬ

Шафрановым загаром
Подернута земля,
Ликующим пожаром
Пылают тополя,

Кидают в роще сонной,
Прохожего дразня,
Охапкою лимонной
Шуршащего огня.

Шоссе до Канакера
В рубиновой заре,
Одни фонтаны сквера
В струистом серебре.

Не в лавке антикварной
Камней старинных ряд —
На улочке базарной
Лиловый виноград,

Огромные корзины
С душистою айвой,
И синих слив седины,
И перец огневой,

И бархатные груды
Оттенка чайных роз —
Не персики, а чудо
Прислал сюда колхоз.

Глазастые ребята
Черны, как угольки;
До самого заката
Шумят, гудят ларьки.

А ляжет полосою
На яблоки закат —
Обрызганный росою
Привидится нам сад.

Осенний день победной
Сверкает красотой,
И бронзовой, и медной
И светло-золотой.

АРМЯНСКАЯ ПЛЯСКА

Вот он, ах, вот он — тот перелив,
Обжигающий лоб и губы...
Не зурна, не бубен, не трубы —
Это ветер нагорных нив.

И армяночка в круг вступает,
Голубями руки летают,
А как долу опустит очи —
Косы длинных ресниц короче...

Ей навстречу идет дружок, —
Золотой на нем поясок.
Ты видал в сапожках огонь?
Вот он вьется, подняв ладонь...

Поведет красота плечом —
Что тут думать, грустить о чем?
Краски с музыкой говорят, —
Чей торжественнее наряд?

Эта грубо́сть и эта нежно́сть
Для меня, как сме́рть — неизбе́жность.
Обрывается сердце разом,
Только встретится взгляд с Кавказом!

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Глаза — как большие черные слезы.
Обветренный камень щек...
И песня — такая, что все угрозы,
Все беды сбивает с ног.

Скрестите мне руки, закройте веки, —
Я все-таки оживу:
Пройду по горам, все моря и реки
Без страха переплыву!

К приснившимся мне наяву нагорьям
Опять я приду, опять,
Я с ними не стану делиться горем,
Ни плакать, ни тосковать...

Я буду армянские песни слушать,
Встречать над Зангу зарю
И на волоске висящую душу
Сухой земле подарю.

А В Е Т И К И С А А К Я Н

Еле брезжили краски рассвета
В те далекие годы, когда
Побратались в стихах два поэта,
Чтоб остаться в родстве навсегда.

Словно оклик из глуби колодца
Был для Блока глухой этот зов:
«Караван мой бренчит и плетется
Меж чужих и безлюдных песков...»

Это голосом Исаакяна
Пел и плакал армянский народ,
Тот народ, чьи стариинные раны
Бередило ветрами невзгод.

А теперь, окрыленные братством,
Неразлучны народов сердца.
Стали общим несметным богатством
Благородные песни певца.

От скитальческих зовов печали
До напевов труда и борьбы –

Родниковой струею журчали
Эти песни армянской судьбы.

Как болит мое сердце, как бьется
От задумчиво-скорбных стихов:
«Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...»

Не бренчат бубенцы каравана,
Нет безлюдья в армянском краю,
Но в певучести Исаакяна
Я Армении лик узнаю,

Узнаю эти нежность и пламень,
Это вечное детство мечты,
Эту землю, где даже сквозь камень
Пробиваются к солнцу цветы.

И сквозь милых мне черт угловатость
Светит в самой далекой глухи
«Голубая хрустальная святость»
Неподкупной народной души.

Выйди за город вечером рано,
Чуть обступит тебя синева —
Плещет песнями Исаакяна
Серебристого пшата листва.

Посвящается Павлу Антокольскому

Радищев

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

*Дорогу проложить,
где не бывало следу...
Радищев*

ВСТУПЛЕНИЕ

Рдеет веточка рябины
На ладони у меня.
Видно, впрямь, неистребимы
Искры давнего огня.

По привычке, по старинке
Ягоду кладу я в рот,
Холодок ее горчинки
За душу меня берет.

В память о давнишнем долге
Эту гроздь я привезла
Из равнины Средней Волги,
Из Аблязова села.

На земле просторов много,
Неотложных много дел,
Каждому своя дорога,
Свой у каждого удел.

То, что сердце обожгло мне
Первой детскую мечтой,
До седых волос я помню:
Помню полдень золотой,

Дома старого руины —
Он тогда на слом пошел —
И такой же вот рябины
Невысокий гибкий ствол.

И тогда же прозвучало
Слово, что во мне живет
Как великое начало,
Первой ласточки полет.

Мне сказали: — Здесь Радищев
Родился давным-давно.
Вырастешь — прочтешь, отыщешь
То, что близко всем равно.

Земляком его считают
В этом крае много лет.
Ну, а сердце точно знает,
У него сомнений нет.

В память врезались навеки
Этот дом, селенье, путь,
Эти глинистые реки, —
Все шептало: не забудь,

Как болела эта совесть,
Как тянул он руки к нам...

Старый долг мой эта повесть.
Хоть и поздно, а отдашь.

По глухим полям былого,
В обступившей тишине,
Я иду дорогой слова,
Как на дальний свет в окне.

ДЕТСТВО

Ни тучки над знойной равниной,
Над речкой нечастый плетень,
Пронзительный крик петушиный
Врезается в будничный день.

Большие ломти чернозема,
А рядом — суглинок, песок.
В сторонке от барского дома
Стоит темно-синий лесок.

Избенки соломой покрыты,
Овраг лебедою зарос.
Процокали где-то копыта:
Знать, бочку везет водовоз.

Качается медленно время
Листвой на седых тополях.
Сгибает тяжелое бремя
Крестьянские спины в полях.

В Аблязове что? Слава богу!
Не то, что у ближних господ:

С опаской обходят дорогу,
Что в Анненково приведет.

Там бьет и казнит беззаконно
И голодом морит людей
Поместья владелец исконный,
Известный в округе злодей.

Бегут крепостные от гнета
В лесную российскую ширь:
Разбойником быть неохота,
Да барин страшней, чем Сибирь.

В Аблязове в девичьей тесной
Надышишься вдоволь порой
И страшною былью и песней
Да изредка пляской-игрой.

А выйдет барчук за ворота,
Задумав спуститься к реке, —
Вдруг как повернет его что-то
К избенке, что невдалеке,

Покрыта пожухлой соломой,
Да бычий пузырь на окне,
Стоит старушонкой знакомой,
С бельмом на глазу, в стороне.

Глядит мальчуган смуглолицый —
Вот сверстник его на крыльце,
Обмотан какой-то тряпицей,
Болячки и сыпь на лице.

И тянутся руки ребенка
Доверчиво прямо к нему,
Как будто он просит барчонка, —
О чем же, о чем — не пойму.

Быть может, о жизни, о счастьи...
И мальчик Радищев стоит,
И грудь его рвется на части:
Печален земли его вид.

И вновь этот крик петушиный,
Куда-то зовущий. Куда?
И зной над июльской равниной,
Запомнившейся навсегда.

А вечером, в пору досуга,
В гостиной беседы о том,
Что продал помещик-жадюга
Детей, разлучив их с отцом,

О ценах на девок, на сено,
А то о поездке в Москву.
Смеются: напился отменно
Сосед и валялся во рву.

А мальчик, в нарядном кафтане
(Его не заметил никто),
Их слушает словно в тумане
И думает: это не то!

Не то ему чудилось в сказках,
Рассказанных дядькой Сумой,

Звенело в свирели подпаска,
Ведущего стадо домой.

Ему не о том говорили
Цветы и тугая лоза,
Его не об этом просили
Больного ребенка глаза.

* * *

Чтоб спалось барчонку лучше,
Кисея задернется,
Ну, а все же лунный лучик
Проберется в горницу.

Проберется, тихо ляжет
На глаза бессонные,
Про пути свои расскажет,
Тропки потаенные:

Как уныло освещал он
Травы придорожные,
Как, скитаясь, посещал он
Голытьбу осторожную,

Как он видел слезы вдовьи
Да муштру солдатскую,
Исходящую любовью
Чью-то душу братскую,

Видел пышные палаты,
Жемчуга до золото,

Видел горькие утраты,
Слышал стоны голода.

Говорил он сирым людям,
По дорогам следуя:
— По-иному жить мы будем,
А когда — не ведаю...

То ли снится, то ли мнится
Эта песня лунная.
Поднимаются ресницы,
Бьется сердце юное:

— Я добуду, я добуду
То, что кличут правдою,
Помогу простому люду,
Край родной порадую.

МОСКВА. ПЕТЕРБУРГ. ЛЕЙПЦИГ

Сборы кончены. Все увязано.
Колокольчик бренчит: в дальний путь!
До свиданья, село Аблязово,
Не забудь меня, не забудь!

Ветер первого путешествия,
Неоглядный печальный край...
Путешествий иных предвестие,
Душу детскую обжигай!

Разгорится звездою пламенной
Беспокойная жизнь твоя.

Далеко, в Москве белокаменной —
Книги, труд, не своя семья.

Над церквами, звонами постными,
Над тяжелым ярмом труда
Свет учения Ломоносовым
Был затеплен уже тогда.

Мысль брела по морям и по суху,
Сквозь глухие вирши поэт
Пробирался ощупью, с посохом,
На забрезживший дальний свет.

В душном царстве ее величества,
Словно прорезь меж темных туч,
Спор о воле и крепостничестве
Разгорался, как ранний луч.

Книги, книги! Друзья, наставники,
Неразменный великий клад,
С малых лет распахнули ставни вы
В жизнь, как в залитый солнцем сад.

Вы желтеющими страницами
Рассказали о старине,
Правдой, былями, небылицами
Звали к вольности и весне.

Книги, книги! Морями синими,
Звездной россыпью золотой
Раскрывались вы над пустынями,
Над тюремною темнотой.

Все, что читано, перечитано,
Входит в сердце, в разум и кровь.
Испытай же, что не испытано,
Зову мысли не прекословь!

* * *

Так мальчик жил, учился, рос,
Москва ему привычной стала,
Хотя ни речки, ни берез
Душа любить не перестала.

Он на окраине Москвы
Видел такого же мальчонку,
Как тот, средь сельской синевы
Тянувший тощие ручонки...

Столица. Петербургский двор,
Снаружи чинный и блестящий,
Царицы благосклонный взор,
По лицам юношей скользящий.

Седые, тучные льстецы,
Сгибающие рабски спины,
Вруны, обжоры, хитрецы
Любого звания и чина.

Честь — за красивый экипаж,
Дочь — за резную табакерку.
Дивится робкий мальчик-паж
Блистательному фейерверку.

А кто же в пышном сем дворце
Встревожен мыслью о свободе,
О том ребенке на крыльце,
О голодающем народе?!

Здесь о Вольтере говорят,
О просвещенье, о Париже,
Но говорят, как про наряд,
Про мушки, кружево иль брыжи.

На лысинах здесь парики,
Румяна на иссохшей коже,
И даже дерзости щипки
На шутку льстивую похожи.

Не вольничай, не размышляй,
Не разговаривай по-русски,
Императрице потрафляй,
Жизнь затяни в мундирчик узкий!

И все ж не мог его души
Красавец Петербург не тронуть.
И юноша мечтал в тиши:
«Самодержавию и трону

Придет конец. Пора придет:
Дар несравненный, дар бесценный,
Дар Вольности возьмет народ
Своей рукою дерзновенной.

Санкт-Петербург не царский трон —
Всего народа достоянье».

И радостно провидел он
Сквозь вековое расстоянье

Величье города того,
Что славу обретет по праву,
Где смелой мысли торжество
Упрочит русскую державу.

Медлительно текла Нева,
Огни поблескивали тускло,
Входили мысли и слова
В глубокое прямое русло.

...Опять дорога. Сколько их!
Теперь Германия и Лейпциг,
Где ждут студентов горы книг,
Часы открытый, споров, лекций!

Философический туман,
Чуть различимые высоты,
Бессонница, пустой карман.
А рядом олимпиец Гёте...

И тут же неуч — важен, пуст,
Идет ленивою походкой
В миры высоких дум и чувств,
Как на свидание с красоткой.

А русский юноша-бунтарь
В чужом kraю невольно ищет
Той правды, что запрятал царь
От ропщущих, бесправных, нищих.

«Весь мир перевернуть бы, весь!» —
Так думалось в ночах тревожных.
Недаром был прочитан здесь
Гельвеций — вольнодум, безбожник.

Здесь рядом с мудростью томов,
С вольнолюбивыми речами
Хватало косных злых умов,
Руководимых палачами.

А все ж случалось видеть тут
Свободу сердца, разум светлый.
За теплоту таких минут
И жизнь отдашь ты беззаветно.

Перед жадным взором мир открыт:
Надежды, поиски, мечтанья,
И юноша благодарит
Судьбу за светлый дар — познанье.

Любовь и знанья, мысль и кровь,
Все, все отдать семье народной...
Итак, вперед. Не прекословь
Звезде горящей путеводной!

РОССИЯ

Взмыли ветры полынной России
Стаей вспугнутых туч-лебедей
И на гребень волны выносили
Потаенные чувства людей.

Встала вольная рать Пугачева,
Повела богатырским плечом:
Затрецала гнилая основа,
Взвился жаркий костер кумачом.

Зашумели пожаров знамена,
Светит зарево в черной ночи.
Хватит царствовать вам беззаконно,
Тунеядцы, лжецы, палачи!

Все дремучее горе столетий:
Вдовьи слезы и каторжный труд,
Батоги, и оковы, и плети
Призывали тиранов на суд,

Самодельные пушки гремели,
Задрожал перепуганный двор:
Ну, а что, если впрямь, в самом деле
Победит сей бродяга и вор?

Но не вор Пугачев, не бродяга,
Он крестьянского воинства вождь,
Всех отверженцев мира отвага,
Всероссийская воля и мощь.

О сю пору степные курганы,
Лебедою заросшие рвы
Помнят яростного Емельяна,
Помнят рокот народной молвы,

Пепелища дворянских поместий,
Вольной воли единственный час,

Величавой свободы предвесьте —
Пугачевский июльский указ.

Не сбылось! Видно, сила царева
Лет положенных не изжила...
Привезли на Москву Пугачева —
В тесной клетке степного орла.

* * *

...Над речкой тонкая рябина,
Безмолвствует господский дом:
Недавно проводили сына —
Стал, сказывают, женихом.

Ну что ж, дай бог ему... Похоже,
Невесту по сердцу нашел.
Простой, приветливый, пригожий,
Всех земляков он обошел,

Допытывался: «Как живете?»,
Детишкам сладости дарил,
Вон в той избушке на отлете
О Пугачеве говорил,

О пугачевцах с сожаленьем
Вздохнул: пропали ни за грош...
И порешили всем селеньем:
— На барина он не похож.

Он ехал. Ветерок попутный
Ласкал горячий лоб его.

Он покидал в тревоге смутной
Просторы детства своего.

Тревога словно не у места:
Крестьяне братьев сберегли,
Покой и мир, в Москве невеста...
С чего же слезы сердце жгли?

С чего? Да все с печали той же.
Не удалась война крестьян,
Опять бесправье, бездорожье,
Церковный приторный дурман.

Он ехал. Родина, Россия!
Когда же цепи ты порвешь,
Когда же ты пути иные
К освобождению найдешь?

КНИГА ВЕЛИКОГО ГНЕВА

Книга великого гнева и скорби.
Был же он, был этот брезжущий час,
Час, когда начал он, сумрачно сгорбясь,
Этот правдивый, жестокий рассказ,

Час, когда взял он перо и бумагу,
Так, как оружье пред битвой берут.
Вытер на лбу проступившую влагу:
«Благослови меня, время, на труд!

Благословите на подвиг, потомки!
Вам, современники, я не собрат.

Мало казны в моей бедной котомке,
Но поделиться с грядущим я рад».

...Едет кибитка, трясется кибитка.
Смотрит российской земли гражданин:
Что там за шум? Истязанья и пытка,
Взмахи плетей, батогов и дубин.

Кто там над рекрутами причитает?
Долг солдатчины каторжный век,
Только и дома не слаще бывает,
Что тебе смерть, крепостной человек?!

Едет кибитка. За вёдром — ненастье.
Путнику веший привиделся сон:
Некое царство. Упившийся властью,
Кровью обрызганный царь ослеплен.

Истина очи царю открывает,
Бельма снимает с невидящих глаз,
Мудрого мужа приход предвещает,
Строгий дает властелину наказ:

Чтоб не посмел правдолюбца коснуться,
Мудрого мужа казнить не дерзнул...
Тряско. Пришлось на ухабе проснуться.
Песню внезапно ямщик затянул.

Русская песня, широкая песня,
Нет тебя краше на целой земле.
Слушай ее, захлебнувшийся спесью
Враг чужедальний, погрязший во зле.

Слушай и знай, что когда-нибудь где-то
Русская песнь обернется грозой
И прогремит над просторами света
И разобьет цепи тьмы вековой.

Едет кибитка, трястется кибитка,
Села мелькают одно за другим.
Стреки жестокого длинного свитка
Жизнь разворачивает перед ним:

Жиром заплыvшие лица торговцев...
Плеть над плечами — единый закон.
Что ж ты дивишься? Не так ли ведется
В нашей России с давнишних времен?

Но не унизить безумному веку
Русской свободолюбивой души,
Совесть, отвага и честь человека
Ярко горят и в безвестной глуши.

Странник-слепец распевает сказанье,
«Было во городе Риме» поет.
Слышится в песне все то же страданье,
Слышится все, о чем грезит народ.

Слушают песню о давних виденьях,
Плачут. В сколыхнуты недра души.
Странник не принял от барина денег,
Взял у крестьян только хлеб да гроши.

Русская девушка гордо и скромно
Барский подарок отводит рукой.

«Чудище обло, озорно, огромно»,
Не задушить тебе чести людской.

Росные травы в пахучей дубраве,
Светом пронизанное деревцо...
Как же в пленительной этой оправе
Скорбно родного народа лицо!

...Не соловьиным разливом напева
Молодость наша высоко взвилась,—
Горькою книгой великого гнева
Летопись русской борьбы началась.

Поздний, с закрытыми ставнями, вечер,
Мелкий, кривой типографский набор,
Тускло мерцают оплывшие свечи.
Вот он — бесправной поре приговор.

Каждая буква — слезинка людская,
Знак — чей-то кровью безвинной налит,
Чванных тиранов коря, проклиная,
Каждая строчка им гибель сулит.

Зà полночь не прекращалась работа.
Может быть, думал Радищев тогда:
«Сам себе строю помост эшафота»,
Страха же в гордой душе — ни следа.

Зоркий наборщик уверен, спокоен,—
Так свое судно ведет рулевой.
Он не герой, не философ, не воин —
Скромный посланец семьи трудовой,

Предок рабочих другого подполья,
Первых наборщиков ленинских книг,
Предок добытчиков права и воли,—
Верно, в ту пору он думал о них.

Книга великого гнева готова.
Слово живет — не упрятать, не сжечь.
Впрямь, для тиранов страшней Пугачева
Смелого разума дерзкая речь.

Дальше — допросы. Быть может, и пытка,—
Властен Шешковский — палаch, нетопырь.
Едет кибитка, трясется кибитка,
Путь «за крепчайшею стражей» — в Сибирь.

СИБИРЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ. СМЕРТЬ

Проснется ночью: «Что я? Где я?
Деревня? Петербург? Москва?..»
Нет, это в звании злодея
Он здесь, в Сибири. Ночь мертва.

Лишь кружится морозный ветер,
Трещат илимские снега,
Но разум бодр, он так же светел,—
Отчизна всюду дорога.

Не до кручины, не до скуки.
Широк сибирский край, богат,
И здесь работа и науки,
Поездки, опыты, трактат.

Шумит, бушует дуб зеленый,
Пока не срубит дровосек,
А он — поэт, борец, ученый,
Он просто русский человек.

Ботаник, лекарь, минеролог —
Он всюду нового искал.
Век человеческий недолог,
Ему ж и долгий был мал.

И вот — указ о возвращенье,
Что б там ни ждало впереди,
Он счастлив. Снова в наступленье!
Что ж, добрый путь! Иди, иди.

Домой. И небо все светлее,
Все гуще травы и листва,
Июнь в цвету, сады, аллеи,
И вот она — Москва, Москва!

В России не было поэта,
Чьей не кружила б головы
Любовь к Москве, столице света,
Кто не воспел в стихах Москвы.

Есть в мире города, столицы,
Где слиты древность с новизной.
Но время мчится, время длится,
А первенство за ней одной.

За ней — за шумом этих будней,
Ведущих к праздникам большим,

За этой славой многотрудной,
Зовущей к подвигам другим.

Опять Россия и деревня.
Немцово тихое село,
В сторонке от столицы древней,
Скитальца встретило тепло.

Но как здесь глухо, как пустынно.
Дом развалился, сад заглох,
Торчат в усадьбе колья тына,
А двор крестьян и вовсе плох.

Среди соседей нету близких,
Ни с кем встречаться он не стал.
Мрачней, пожалуй, чем в Илимске...
Такой ли он свободы ждал?

И детства милого виденья
Влекли его к местам иным —
В ржаное тихое селенье,
Туда, в Аблязово, к родным.

Поля, поля, лесок, овраги,
Крик петуха невдалеке...
И капелька соленой влаги
По впалой поползла щеке.

Река Тютнэр, где с детворою
В июльский зной купался он,
Бугор, где позднею порою
Сидел, в раздумье погружен.

Здесь рвал он голубой цикорий,
Там — меж колосьев васильки...
Все та же ширь, все то же горе,
Все те ж — в заплатах — мужики.

Но и в господском доме ныне
Немирен сон, несладок хлеб:
Изнурены тоской о сыне,
Мать чуть жива, отец ослеп.

Земля богата, но не щедро
Свой клад народу отдает,
Скупятся земляные недра,
Все недород да недород.

Радищев думал, как возделать
Родной тютнлярский чернозем,
Как горячо ему хотелось
Природу победить умом.

Глотал он книги, том за томом,
Бродил среди родных равнин,
За опытами с черноземом
Немало дней провел один.

То не был юных сил избыток,
Давным-давно он повзросел,
Но все ж не оставлял попыток
Крестьянский изменить удел.

Болезнь, нужда, долги, усталость,
Что в том? Он все же полон сил.

И вот мечта его сбывалась,
Ей он отдаст последний пыл:

Он призван составлять законы.
Кому, кому, как не ему
Знать все преграды и заслоны,
Бесправья вековую тьму!

И с бурной юношеской страстью
Радищев принялся за труд.
Но разве нужен самовластью
Нелицемерный правый суд?!

Проходит время в разговорах,
Напрасно новшеств ждет народ,—
Растет бумаг ненужных ворох,
А жизнь по-старому идет.

Заплесневевшие вельможи
Сторонятся бунтовщика,
И только пылкой молодежи
Мечта Радищева близка.

Ну что же, сделал он не мало:
Он путь-дорогу проложил
Там, где и «следу не бывало»,
Он не напрасно в мире жил.

В душе нет и сейчас сомненья,
Но времени тяжелый гнет
И смертный холод утомленья
Ложатся на сердце, как лед.

Угрозы нищеты, Сибири...
Нет, не они ему страшны,
А то, что в этом лживом мире
Его деянья не нужны.

Борьба и речи бесполезны.
Кругом — глухонемая ночь.
Петь одному у края бездны
Ему давно уже невмочь.

Он сделал все, что мог, довольно.
Своей рукой возьмет он яд,
По доброй воле — не безвольно.
И пусть потомки отомстят.

Глотком смертельной «царской водки»¹
С царями счеты кончит он.
Черны тюремные решетки,
Но он и мертвый — не сражен.

Скрестив натруженные руки,
Лежит певец борьбы в гробу.
Морщины долгой гордой муки
На восковом высоком лбу.

Он встанет в новом поколеньи
Как путеводная звезда.
Радищева помянет Ленин,
Народ полюбит навсегда.

---

¹ Ядовитая кислота.

КОЛХОЗ «РОДИНА РАДИЩЕВА»

Быстро едет по полям машина,
Солнце даже сквозь стекло палит,
Встречные нам кланяются чинно,
Волосы их ветер шевелит.

Секретарь Кузнецкого райкома,
Худощавый, сумрачный на вид,
Глядя на просторы чернозема,
О литературе говорит.

Может быть, не всем еще известно,
Что среди писателей страны
Многие со Средней Волги. Лестно
Вспомнить их средь этой тишины,

Вспомнить отличившихся героев,
Депутатов, избранных в Совет.
Погордиться земляком порою —
Ничего плохого в этом нет.

Вот оно — и сердце замирает —
Верхнее Аблязово. Река.
У электростанции слезает
Секретарь райкома.— Ну, пока.

Ребяташки возле новой школы
Поливают свежие цветы,
Там, где пустыри лежали, голы,
Клуб. Музей. Знакомые черты —

Перед входом памятник: Радищев,
Здесь, в своем Аблязове родном.
Видит он приезжих сотни, тыщи,
Каждому колхознику знаком.

Каждый знает: это он когда-то
Первым встал за свой родной народ,
Царские поколебал палаты,
Скинуть захотел извечный гнет.

Мал музей, но как разнообразен
Рукописей, книг, картин подбор.
Дорогой заведующий Базин,
Тут о вас уместен разговор.

В этом скромном, мало видном деле,
В деревенской ласковой тиши,
Вы народу показать сумели
Высоту радищевской души.

И сегодня, вспоминая снова
Вас и всех аблязовских друзей,
Не могу не обратить к вам слово
Стихотворной повести моей.

Ваши имена не очень громки,
Дело ваше — многих дел важней:
Это вы — почетные потомки
Просвещенной мысли давних дней.

...Сыщен стук электромолотилки,
Сыплется, течет рекой зерно.

Это здесь Радищев после ссылки
Заходил на барское гумно,

Глядя на измученные лица,
О труде свободном тосковал...
Вот она — не сказка-небылица,—
Явь, к которой он Россию звал.

Многоцветно опытное поле,
И чего-чего здесь только нет!
Радует здесь глаз твой на приволье
Красный, резедовый, желтый цвет...

Даже мелкий сахарный горошек
(Прежде не слыхали о таком)
Меж других культур, на поле взросших,
Подарил тютярский чернозем.

В стороне — уверенный, степенный
Окающий местный говорок.
Девушки запели. Над антенной
Тучку гонит легкий ветерок.

Раздается звонкая частушка,
Птицей улетает за лесок:

Я, мой милый, не вертушка,
Я люблю не на часок.
Не на час и не на два,
А покудова жива.

Отзвенела песенка. Нависла
Дымчато-лиловой тучки тень,

Где-то заскрипело коромысло —
Музыка российских деревень.

Помнишь сонный оклик петушиный,
Мальчика в лохмотьях и в пыли?
Вот они стоят перед машиной —
Юные хозяева земли.

Снесены давным-давно обломки,
Нет бурьяна — вырван до корней.
Вот они — почетные потомки
Смелой мысли стародавних дней!

...Мальчик, с отъезжающей машины
Не спуская любопытных глаз,
Протянул мне веточку рябины,—
Ту, с которой начат мой рассказ.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗИМНЯЯ ЗВЕЗДА

Зимняя звезда	5
Жизнь	7
Партия	8
Первый зов	9
Моему молодому другу	11
Порою спросит кто-нибудь...	14
На какое хрустальное блюдо...	16
Памяти друга	17
Ветка за окном	19
Сирень	20
Как! Там и августа не будет?..	22
Крымские ночи	24
Звезда	25
Так я и не успела...	26
Осень и человек	28
В какие строки переплавиши...	30
Как будто над рекой...	32
Про песню	33
Памяти Юрия Крымова	35

ПО РУССКИМ ДОРОГАМ

Всю жизнь у жизни мы в долгу...	39
Повиликой молодость повяла...	40
К портрету матери	41
Стихи о Пушкине	
Зимой в Михайловском	43
На тему «Пушкин и декабристы»	44
Воспоминание	47
Есть между всех очарований...	50
Время	52
День стоит большою чашей...	54
Ярославна	55
Калитка	58
Только бы и петь о том...	60
Если очень любить...	61
Надпись на книге	63

МОЯ АРМЕНИЯ

Моя Армения	67
Как влюбляются в человека...	69
Говорят, красота в соловьином саду...	72
В гостях у Мартироса Сарьяна	74
Звартноц	76
И вдруг как нахлынет...	77
Портрет поэта	79
Художник и народ	81
Мост Победы	83
Когда напев армянской «Розы»...	85
Воскеваз	86
Осень	88

Армянская пляска	90
Армянская песня	92
Аветик Исаакян	93

Р А Д И Щ Е В

<i>Лирическая поэма</i>	95
-----------------------------------	----

Звягинцева Вера Клавдиевна
зимняя звезда

10

Редактор *В. Д. Острогорская*
Художник *Д. С. Громан*
Худож. редактор *Е. И. Балашева*
Техн. редактор *Н. Д. Бессонова*
Корректор *Л. Г. Соловьева*

Сдано в набор 30/І 1958 г. Под-
писано к печати 2/IV 1958 г.
А02981 Бумага 70×108^{1/32}
Печ. л. 4 (5,48). Уч.-изд. л. 3,25.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 307
Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-9, Б. Гнездниковский
пер., 10.
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

2200

26